

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Сказки современных русских
писателей Собрала Клавдия
Лукашевич**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Сказки современных русских писателей Собрала Клавдия Лукашевич: Том 1 / Лукашевич
Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2025. – 276 с.

ISBN 978-5-519-94031-3

ISBN 978-5-519-94031-3

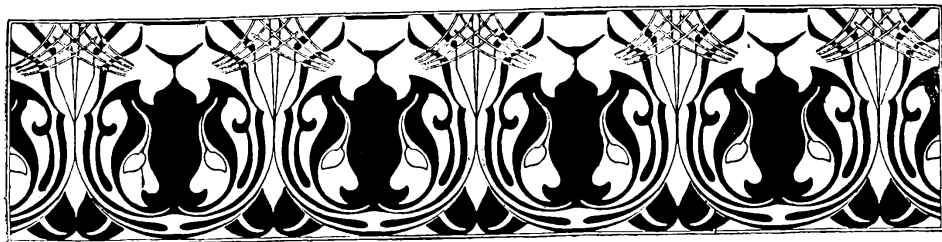
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Что думали выдающіеся русскіе писатели о сказкахъ.

„Сказка—ложь, да въ ней намекъ, добрымъ молодцамъ урокъ“.

А. Пушкинъ.

...„Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма“.

(Изъ писемъ А. Пушкина къ брату за 1824 годъ.)

* *
* *

...„Какъ жаль, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская! Я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ, вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“.

(Изъ ученической тетради Лермонтова 1830 г.)

* *
* *

„Намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ, до поры до времени, изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнять сказку разсказомъ. Учитель, безспорно, нуженъ ребенку, да и нянька ему нужна... Очень немногія дѣти безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки, но и они очень хорошо умѣ-

ютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ, тому станетъ“...

И. Тургеневъ.

„Всѣ сказки мнѣ нравились; я не зналъ, которой отдать преимущество! Онѣ возбуждали мое дѣтское любопытство, приводили въ изумленіе неожиданностью диковинныхъ приключеній, воспламеняли мои собственныя фантазіи... Сколько загадочныхъ чудесъ, при чтеніи которыхъ духъ занимался въ груди! Съ какою жадностью, съ какимъ ненасытнымъ любопытствомъ читалъ я сказки и въ то же время я зналъ, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ“.

С. Аксаковъ.

„Сказка ведетъ къ добру, сѣетъ отвращеніе къ злу“.

Вагнеръ (Котъ-Мурлыка).

* * *

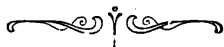
„Рѣдкая сказка не заключаетъ въ себѣ серьезнаго, поучительнаго смысла, даже иногда помимо воли ея автора“.

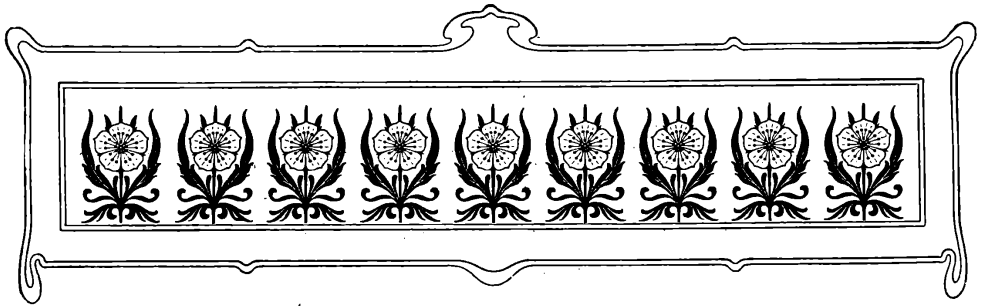
Н. Льсковъ.

* * *

„Сказки имѣютъ огромное воспитательное значеніе. Лишить ребенка сказокъ—значило бы лишить его пищи для нормальнаго, здороваго развитія фантазіи. Смѣсь непонятно - чудеснаго и обыденно - простаго, возвышеннаго и забавнаго останавливаетъ на себѣ вниманіе ребенка, заставляетъ его всматриваться и вдумываться въ окружающую жизнь, чтобы отличить возможное, дѣйствительное и вымысел“

П. Полевой.

Жучокъ-знахарь.

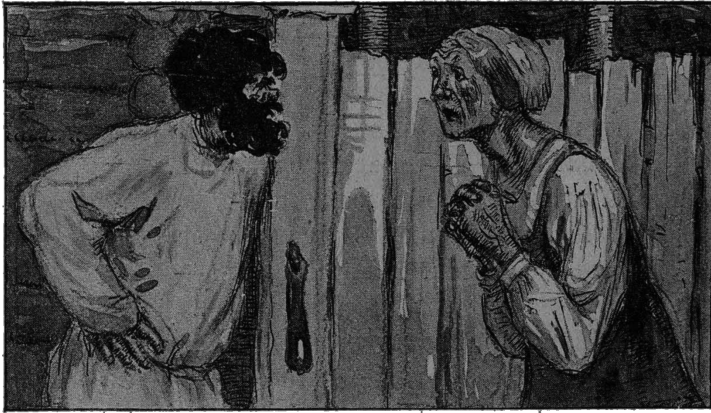

Жилъ въ деревнѣ бѣднякъ мужичокъ,
Мужичокъ—по прозванью Жучокъ.
За какое ни примется дѣло—
Глядь, ужъ прахомъ пошло, прогорѣло.
Вотъ послѣдній доѣлъ коровай,—
Хоть на лавку ложись, помирай!
А Жучку помирать неохота,—
И надумалъ неладное что-то
Въ полночь, гдѣ ужъ и спать бы пора,
Онъ украдкой шмыгнулъ со двора,
Сквозь лазейку, что вырыли дѣти,
У сосѣдки-старухи изъ клѣти
Весь запасъ полотна утащилъ
И въ стогъ сѣна за клѣтью зарылъ.
—Обратился, зная, попросту въ вора?
—Погодите, узнаете скоро.

* *
*

Баба въ клѣть лишь толкнулась со сна,
Хвать-похватъ—не видать полотна.
„Обокрали,—завыла,—до нитки!“
А Жучокъ ужъ глядитъ изъ калитки:

— „Полотно утащили никакъ?“
 — „Полотно. Да ты свѣдалъ-то какъ?“
 — „А вѣдь дѣдъ мой былъ знахаремъ: внуку
 Завѣщаль предъ концомъ всю науку.
 Что гдѣ спрятано—вмигъ угляжу,
 И твое полотно укажу,
 Будто знаюсь съ нечистою силой“.

— „Укажи, укажи же, мой милый!“
 — „А что дашь-то?“
 — „Муки тебѣ дамъ“.
 — „Куль муки?“
 — „Ну, хоть куль“.

— „По рукамъ“
 Взялъ ведро у ней, на воду дунуль,
 Пошепталъ что-то, трижды отплюнуль,
 Подмигнуль и присвистнуль

„Эге!
 У тебя жъ и зарыто въ стогъ“.
 Баба къ сѣну—открыла пропажу.
 „Вотъ такъ знахарь! Чѣмъ хочешь уважу:
 Сверхъ куля, еще на отъ руки“.

И, отмѣривъ съ подходцемъ муки,
 Поплелася къ кумѣ поскорѣ
 Разсказать о Жучкѣ-чудодѣѣ.
 Не прошло и двухъ дней, какъ о немъ
 Затрубили въ уѣздѣ кругомъ.

* * *

Лучшій конь пропадаетъ съ усадьбы
 У боярина. Какъ разыскать бы?
 Погадаль-погадаль онъ опять:
 „Увести, молъ, коня не успѣли:
 А Жучка-чудодѣя позвать!
 Привязали за рощею къ ели“.

Привязаль-то, небось, его самъ;
 Ну, вѣстимо, нашли его тамъ.

А бояринъ, на зависть дворовыхъ,
 Выдалъ знахарю десять цѣлковыхъ
 Тутъ онъ въ пушую славу вошелъ:
 Слухъ о немъ до столицы дошелъ.

* * *

Той порой у царя у Гороха
 Шла возня во дворцѣ, суматоха:
 У него, изъ уборной дворца,
 Лучшій камень пропалъ изъ вѣнца,
 Самоцвѣтный ли камень, чудесный,
 Краше радуги въ тверди небесной,
 Отъ котораго въ темной ночи
 За семь верстъ исходили лучи.

Отрядили къ Жучку колесницу,
 Повезли раба Божья въ столицу

„Вотъ когда мнѣ пришелъ корочунъ! —
 Убивался дорогой колдунъ. —
 Подѣломъ, значить, вору и мука;
 Не спасетъ никакая наука!“

И дрожа онъ предсталъ предъ
 царя...

И дрожа онъ предсталъ предъ царя,
Потихоньку молитву твори.

„Такъ и такъ,—говорить тотъ со вздохомъ,—
Хоть меня и прозвали Горохомъ,
А таки огорошили разъ.
На тебя вся надежда у насъ.
Чтобы все подготовить къ уроку,
Я до завтра даю тебѣ сроку;
Есть и келья у насъ для тебя,
Гдѣ ты можешь гадать про себя.
Коли камень представишь обратно,
Награжу, говорю, тебя знатно;
Коли нѣтъ—не могу уберечь:
Вотъ мой мечъ—голова твоя съ плечъ!“

Въ своей кельѣ сидитъ, чуть не плача,
Бѣдный знахарь нашъ:

„Вотъ такъ задача!

Только три пропоютъ пѣтуха,
Убѣгу, говорить, отъ грѣха“.

А украли-то камень въ уборной
Спальникъ, столъникъ и кравчій придворный;
Передъ кельей сошлись въ уголкѣ
И ведутъ разговоръ о Жучкѣ:

„Если точно такой онъ ужъ знахарь,
Такъ его, какъ ни масли ни сахаръ,
На кривой не объѣдешь кругомъ.
Не пойти ль, повиниться во всемъ?“

— „Повиниться всегда еще можно,—
Молвилъ спальникъ,—а я осторожно
Подгляжу, какъ гадаетъ онъ тамъ“,

И онъ тихо подкрался къ дверямъ.
Въ это время пѣтухъ среди ночи
Прокричалъ въ первый разъ, что есть мочи,
А изъ кельи послышался вздохъ:

„Слава Богу! одинъ есть изъ трехъ!“
Спальникъ бросился вонъ:

„Ну, ребята,
Вмигъ пронюхалъ онъ нашего брата!

И онъ тихо подкрался къ дверямъ.

Одинъ есть, говоритъ, ужъ изъ трехъ.
Чтобъ онъ лопнулъ! (прости меня Богъ...)“

— „А ты струсиль, небось, ужъ, какъ школьникъ?—
Подтрунилъ надъ товарищемъ стольникъ.—
Я пойду, такъ ужъ тяги не дамъ“.

И онъ тоже подкрался къ дверямъ.
Снова крикъ пѣтушиный раздался,
А изъ кельи колдунъ отозвался:

„Слава Богу! и два уже есть“...

Стольникъ духа не могъ перевести
Тихомолкомъ отползъ безъ оглядки:

„И меня ужъ прочуялъ, ребятки!

Говорить, что и два уже есть.
Еле ноги успѣлъ я унести“.

— „А, храбрецъ!—молвилъ кравчій тутъ.—Ну-ка,
Теперь самъ я его погляжу-ка“.

Подошелъ, наострилъ только слухъ,—
Загорланилъ и третій пѣтухъ,
А за дверью колдунъ:

„Слава Богу!

Есть и третій“...

Но только къ порогу,
Какъ въ ногахъ его кравчій лежитъ:
„Виновать! не казни!“ говорить.

Увидали друзья, поспѣшили
Гоже рядомъ упасть, завопили:

„Не казни! Отпусти ужъ грѣшокъ!“

— „А гдѣ камень?“ спросилъ
ихъ Жучокъ.

„Вотъ онъ, батюшка!“

Знахарь ихъ строго

Оглядѣлъ.

„Не боитесь вы Бога!

Ну, да такъ ужъ прощу васъ пока.
Доставайте-ка мнѣ индюка“.

Принесли индюка—заглядѣнье!
А колдунъ нашъ, ему въ угощенье,
Изъ-за пазухи хлѣба досталъ,
Съ хлѣбомъ камешекъ въ шарикъ
скаталъ.

„Ура! Выдать молодцу пудъ серебра!“

„Вотъ покушай, да чуръ, не давиться!“

Какъ накинется жадная птица,
Не шута поперхнулась слегка;
Да спасибо, гортань широка—
Проскользнулъ въ нее шарикъ до нутра.
Но что ждало бѣднягу на утро!..

* * *

Только всталъ царь Горохъ ото сна,
Приказалъ привести колдуна:

„Что, любезный, развѣдалъ ли вора?“

— „Да, развѣдать другимъ бы не
скоро:

Вонъ индюкъ на дворѣ, горлодеръ,
Онъ, обжора, и будетъ твой воръ“.

— „Проглотить?“

„Проглотить на здоровье“.

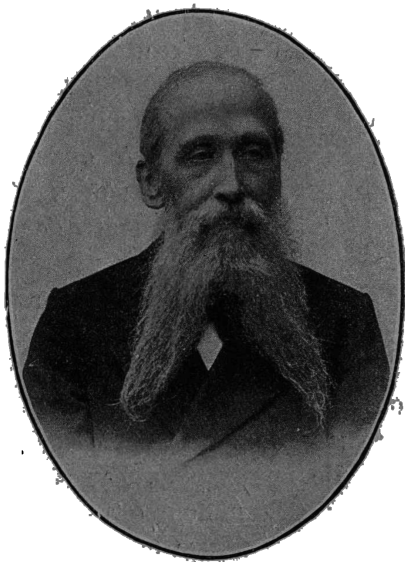
— „Погоди жъ ты, отродье бѣсовъ!
Принести индюка мнѣ да ножъ!

Распороть ему брюхо“. И что жъ?—
Первымъ дѣломъ оттуда привѣтно
Ему камень блеснулъ самоцвѣтный.
Царь отъ радости вскрикнулъ:

„Ура!

Выдать молодцу пудъ серебра!“

Низко знахарь царю поклонился,
Съ серебромъ во-свояси пустился,
Пригѣваяючи зажилъ опять,
Но закаялся вѣкъ колдовать.

Василій Петровичъ Авенаріусъ.

Севрская чашка*).

на попала сюда давно и, конечно, случайно. Здѣсь торговали всякой всячиной: и посудой, и крупой, и овощами. На полкахъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, стояла толстая глиняная посуда съ грубой позолотой: дешевыя чашки съ глупыми надписями, большія банки съ окаменѣлыми леденцами и пряниками.

А она была самой тонкой, самой деликатной севрской чашечкой!

Родилась она на огромномъ заводѣ. Въ нее вложилъ свою душу художникъ, когда выводилъ на тонкомъ фарфорѣ чудный образъ ангела съ кроткими голубыми глазами. И въ этихъ глазахъ и во всемъ лицѣ свѣтилось что-то неземное.

Художникъ подарилъ свое созданіе дивной красавицѣ, съ которой онъ и рисовалъ ангела. Чашка поставлена на этажерку, на самое видное мѣсто, и ею всѣ любовались.

Но время шло. Художника ужъ не было на свѣтѣ. Лицо красавицы покрылось цѣлой сѣткой морщинъ и морщинокъ. Только ангелъ на чашкѣ все также былъ чудно-прекрасенъ, и краски его не потемнѣли. Каждый день горничная осторожно вытирала тонкій фарфоръ, сдувала съ него малѣйшую пылинку, а старушка-барыня съ грустью любовалась на свой портретъ и вспоминала далекіе и невозвратные годы юности... У ней какъ будто и оставалась въ жизни одна эта радость.

*) Чашка изъ тонкаго и очень дорогого фарфора.